

В. В. Кутявин

О «НОВОЙ» ПРИВИЛЕГИРОВАННОСТИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО КУРСА «ИСТОРИЯ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН»

Утратив на рубеже 1980–1990-х гг. прежнюю идеологическую привилегированность, курс «История южных и западных славян», как мне кажется, все еще не обрел собственное достойное место («новую» привилегированность) в системе исторического университетского образования. Поколеблен сам дидактический статус этой учебной дисциплины, которая в современных учебных планах исторических факультетов чаще всего оказывается в разряде «дисциплины по выбору». Введение бакалавриата существенно ограничило возможности специализации, в том числе историко-славистической.

Но ведь в России по-прежнему существуют наилучшие условия для развития славистики (близость языков, обилие материалов, в том числе архивных, в наших хранилищах). А это значит, что всестороннее и углубленное изучение славянства остается нашим долгом перед мировой историей и мировой культурой. Не только этот — самый общий — постулат определяет необходимость изучения истории славянских народов и того геополитического пространства, в котором преобладает славянство. Важно учитывать изменения в самих историко-славистических дисциплинах и в системе нашего исторического образования.

С самого начала, с 1940-х гг., курс «История южных и западных славян» самим названием отразил особенности нашей славистики, прежде всего инонациональный характер славяноведческих знаний. Название курса оказалось удивительно устойчивым, сохранившись в учебных планах большинства российских университетов до сегодняшнего дня. Между тем, содержание и структура курса не оставались неизменными, а по поводу его предмета и сегодня не прекращаются дискуссии. Как видно с высоты полувека, наиболее значимыми были предложения ленинградских историков-славистов, уже в конце 1960-х гг. включившихся в публичную дискуссию о преподавании истории славянства в высшей школе.

Пожалуй, следует признать, что спорили тогда больше о вопросах периферийных: о введении курса истории южных и западных славян в педагогических институтах, о необходимости практических занятий хотя бы для специализирующихся студентов, о вариативности учебников по истории славян¹. Как предписывалось в то время, главным интегративным началом для славянского мира выступали строительство социализма и неотразимая характеристика «братские славянские народы». Однако выступление С. М. Стецкевича и В. А. Якубского все-таки не сводилось к делам организационным и методическим. При характеристике программы курса, подготовленной кафедрой истории южных и западных славян Московского университета и опубликованной в 1969 г., отмечались дробность и разобщенность многих разделов, недостаточное внимание к сводным, обобщающим оценкам, к основным закономерностям развития славянских народов, слабый интерес к интернациональным контекстам и феноменам².

Что же касается регионального подхода, к которому вскоре призовут профессиональное сообщество ленинградские историки-слависты, то он угадывался в единственном обороте «развитие Восточной Европы в целом»³, не соотношенном с каким-либо точно определенным геополитическим пространством.

По собственным студенческим воспоминаниям могу утверждать, что региональный принцип построения курса уже в 1969 г. обсуждался даже на занятиях. Часто ссылались при этом на пример академического Института славяноведения, ведущего славистического центра в нашей стране, в 1968 г. преобразованного в Институт славяноведения и балканистики. «Взбудоражившая» университетских историков-славистов программа содержательного реформирования курса истории южных и западных славян была изложена ленинградскими историками-славистами на VI Всесоюзной конференции историков-славистов в 1974 г. во Львове⁴ и в том же году опубликована⁵.

¹ *Стецкевич С. М., Якубский В. А.* К вопросу о преподавании истории славян в высшей школе // Советское славяноведение. 1969. № 6. С. 49–52.

² *Стецкевич С. М., Якубский В. А.* К вопросу о преподавании... С. 50–51. — Через три десятилетия в рецензии на новый учебник по истории славян, отмечая его бесспорные достоинства, я вновь писал о «параллельно текущих страноведческих потоках», о том, что «почти исчезает специфически славистический (то есть стоящий над национальным) уровень анализа материала, снимается принципиальная для любых славистических штудий проблема соотношения славянской (в данном случае применительно к южным и западным славянам) и национальной общностей». В рецензии отмечалось, что жесткий страноведческий подход не позволяет в полной мере использовать возможности компаративистики, а ведь сравнительно-исторический метод уже поднимается над национальным, этническим. См.: *Кутявин В. В.* [Рец.] История южных и западных славян. Т. 1: Средние века и Новое время; Т. 2: Новейшее время // Вопросы истории. 2000. № 8. С. 165–166.

³ *Стецкевич С. М., Якубский В. А.* К вопросу о преподавании... С. 51.

⁴ *Кутик В. Н.* VI Всесоюзная научная конференция историков-славистов // Советское славяноведение. 1974. № 3. С. 129–135. — Лариса Михайловна Аржакова не вполне точно, «переместив» эту конференцию в Харьков (*Аржакова Л. М.* Кафедра истории славянских и балканских стран // Исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. С. 271).

⁵ *Легуров Э. И., Стецкевич С. М., Якубский В. А.* Основные принципы построения курса истории социалистических славянских и балканских стран // Вестник ЛГУ. 1974. Вып. 3. № 14. С. 147–150.

Сдержанное отношение коллег, не вполне преодоленное и сейчас, не остановило авторов этой программы, которая с середины 1970-х гг. стала основой курса «История южных и западных славян» (прежнее название сохранялось!) на историческом факультете Ленинградского университета. Держу в руках пожелтевшие, изданные тогдашней оперативной печатью листки «Методических указаний к курсу “История южных и западных славян”». Датированы 29 мая 1976 г., автор не указан, но я знаю, что указания составлены С. М. Стецкевичем, от которого я и получил их в то время. Ключевая особенность курса излагалась так: «Курс истории южных и западных славян на историческом факультете ЛГУ дополняется изучением основных проблем истории балканских народов (так в тексте. — В. К.) — Албании, Венгрии и Румынии — тесно связанных со славянскими народами как общностью судеб, так и направлением и содержанием основных процессов исторического развития».

Идеологические и политические критерии отбора материала предписывали ограничиваться изучением истории социалистических стран (история, например, балканской, но несоциалистической Греции из курса выпадала), чего не скрывали авторы нововведения. Идеологическим требованиям тех лет вполне соответствовали и конкретные методические указания, в которых внимание студентов обращалось, например, на развитие капитализма и его общий кризис, классовую сущность явлений, образование коммунистических партий, укрепление диктатуры пролетариата, строительство развитого социалистического общества; вспоминались контрреволюционный мятеж 1956 г. в Венгрии и интернациональная помощь Советского Союза.

О неизбежных трудностях преобразования курса истории славян свидетельствовала хотя бы одна деталь: в рекомендуемой литературе не нашлось ни одной монографии по истории Албании. По утверждению Л. М. Аржаковой, свидетеля становления нового курса, «...расширение лекционного курса осталось довольно формальным. Выразилось оно главным образом во введении в лекции более развернутых характеристик общерегиональных социально-экономических и политических процессов»⁶. И все-таки в этих целенаправленных поисках создавалась ленинградско-петербургская модель университетской исторической славистики, которую не могли не признавать и оппоненты. В 1978 г. в обзоре методологических построений советской славистики создатели этой модели, имея в виду тогдашний опыт академического университетского славяноведения, писали об актуальной задаче «...раскрыть закономерности развития большой группы стран Центральной и Юго-Восточной Европы, как славянских, так и неславянских». «Совершенно очевидно, — с полным основанием заключали они, — этот факт имеет не только научно-организационное, но и методологическое значение»⁷.

Ленинградско-петербургская модель исторической славистики и балканистики конституировалась с созданием кафедры истории славянских и балканских стран в Санкт-Петербургском университете — в университетской системе именно кафедра наиболее эффективно обеспечивает преемственность изучения и преподавания дисциплины, непрерывность и устойчивость традиции. Вновь отмечая по случаю десятилетия

⁶ Аржакова Л. М. Кафедра истории... С. 271.

⁷ Стецкевич С. М., Якубский В. А. О методологии советских исследований по истории славянских народов // Методологические проблемы истории славистики / Отв. ред. В. А. Дьяков. М.: Наука, 1978. С. 228.

кафедры приверженность ее коллектива регионально-типологическому принципу изучения материала, В. А. Якубский далее замечал: «Впрочем, на деле этнический, точнее сказать, лингвистический фактор все же не мог здесь не сказаться. Хотя бы потому, что литература и источники на албанском, румынском, венгерском языках доступны мало кому из наших славистов-балканистов»⁸.

Позиции славистов, надо полагать, усилит на всех славяноведческих кафедрах включение в историко-славистический комплекс украинистики и белорусистики⁹, которые сейчас дополняют также академическую славистику¹⁰. Но признание В. А. Якубского напоминает нам и о том, что недооценка лингвистического фактора, часто отождествляемого с этнографизмом, существенно снижает уровень исследования, в том числе, конечно, и историко-славистического.

Таким образом, кафедра истории славянских и балканских стран Санкт-Петербургского университета, как и славяноведческие кафедры исторических факультетов других российских университетов, надежно обеспечивает специализацию. Преимущественное внимание к петербургской кафедре связано не только с моими сантиментами: как было показано, именно от ленинградских / петербургских историков-славистов на протяжении десятилетий исходили наиболее значимые методологические новации и содержательные инициативы, которые увенчало создание кафедры, по-своему трактующей свой предмет, иначе, нежели наши традиционные историко-славистические кафедры. Различия в трактовке предмета изучения неизбежно располагают к профессиональным дискуссиям, в которых совершенствуется общее дело.

Но есть (пока остается) и общий курс истории зарубежных славян, который включен в учебные планы исторических факультетов. На мой взгляд, этот курс совершенно необходим в системе российского исторического образования. Более того, он должен занимать приоритетное (привилегированное) положение, по возможности защищенное от произвола меняющихся обстоятельств. Наверное, для общих курсов несущественна исчерпывающая точность в определении предмета, которая вообще-то едва ли достижима, в особенности для региона с размытыми, проницаемыми границами, а значит — с меняющимися конфигурацией и этническим наполнением. Представление о регионе обусловлено мироощущением, свойственным эпохе. В данном случае множественность интерпретаций предмета курса становится по-настоящему бесконечной, если учитывать существующие культурологические ассоциации понятий «Запад» и «Восток».

Как бы ни формулировалось название курса (история южных и западных славян, история славянских и балканских стран, история Восточной Европы, история Центральной и Юго-Восточной Европы и т. д.), речь идет о пространстве, занимающем географически, типологически, цивилизационно промежуточное положение между Западом и Востоком в европейском измерении и, может быть, в предельном значении. Такое

⁸ Якубский В. А. К десятилетию кафедры истории славянских и балканских стран исторического факультета СПбГУ // *Studia Slavica et Balkanica Petropolitana*. 2011. № 2 (10). С. 205.

⁹ Аржакова Л. М. Кафедра истории... С. 275–276.

¹⁰ См.: Волков В. К. 1) Российская историческая славистика на пороге XXI века: Смена исследовательской парадигмы // *Славяноведение*. 1996. № 6. С. 46–47; 2) Место славяноведения в системе гуманитарных знаний // *Славяноведение*. 2003. № 5. С. 12.

понимание предмета курса определяет его незаменимую историософскую роль в формировании образа европейской и всемирной истории.

Сложившаяся у нас система исторического образования предполагает раздельное изучение отечественной истории и истории всеобщей, т. е. преимущественно западноевропейской. Поэтому, например, российский исторический процесс нередко воспринимается как изолированный, контрастирующий с западным, с резкими различиями в ритме развития, что, впрочем, имеет некоторые исторические основания. Изучение региона как «моста» между Западом и Востоком, как «большой дороги», на которой скрещиваются и конкурируют самые разнообразнейшие цивилизационные влияния, способствует формированию целостного образа европейской и даже всемирной истории¹¹.

Такой подход к истории региона и населяющих его славянских и неславянских народов на самом деле не нов в нашей исторической мысли. Еще в начале XX в. Н. В. Ястребов, подчеркивая первостепенную значимость славистики, особенно исторической, для российской науки и общественной жизни, настойчиво рекомендовал изучать славянство как элемент, органически связывающий историю России и историю «романо-германского» Запада¹². Констатируя, что «нечто в этом направлении уже и осуществлено», этот выдающийся представитель старой петербургской школы заключал: «...к сожалению, осуществлено только отчасти, ибо девиз: “от России, через славянство, к романо-германскому Западу” все еще остается “*rium desiderium*” для русской историографии германо-романского Запада»¹³. Суждение Н. В. Ястребова, похоже, и сейчас остается остро актуальным.

Есть и еще некоторые обстоятельства, определяющие значимость, по крайней мере дидактическую, историко-славистических курсов — общих и специальных. Сущностные характеристики региона отличаются выраженным своеобразием: как и бывает в «срединной» зоне, это невероятное разнообразие с национальной, культурной, конфессиональной и других точек зрения; особый драматизм, неустойчивость, судорожность развития со своими полюсами и гибридами; фантазии и иллюзии, «империализм мечтаний»; нереализованные возможности и «плохие компромиссы»; хронический кризис и межэтническая ненависть. «Наползающие» друг на друга «переходности» разной природы, временная и пространственная, рожают самые причудливые симбиозы. Не только современникам, но и историкам очень трудно определить состав такой «смеси». Пестрота форм, раздерганность существования, лежащая в самой основе исторического бытия, отличают регион от относительно стабильного, «прямолинейного», как часто представляется, развития Запада, напоминая нам о действительной сложности общественных процессов, корректируя упрощенные представления об исторических явлениях.

¹¹ Такая характеристика курса истории зарубежных славян уже излагалась в 2010 г. на конференции в Казани: *Кутявин В. В.* Курс истории южных и западных славян: Между Западом и Востоком // Историческое образование в высшей школе: Формирование специалиста и гражданина: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 9–10 декабря 2010 г. Казань: Казанский университет, 2010. С. 168–169.

¹² *Ястребов Н. В.* Вступительная статья // Кутшеба С. Очерк истории общественно-государственного строя Польши. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1907. С. XI–XIII.

¹³ *Ястребов Н. В.* Вступительная статья. С. XIV.

Наконец, изучая историю славянства и других народов, «зажатых» между Западом и Востоком, мы знакомимся с особым типом исторического сознания. На народы региона, чаще всего «недовольные своей судьбой», история, по точному замечанию Й. Хейзинги, «всегда оказывает как бы возбуждающее действие», а «их исторические воспоминания становятся необыкновенно действенным фактором народной жизни»¹⁴. Национальные историографии народов региона свидетельствуют не только о разных представлениях об истории, но и о разных концепциях целей исторического познания. Это богатое историографическое наследие содержит, в частности, первоклассный материал для изучения исторической памяти (чаще всего травмированной) и исторической политики, важных явлений общественной жизни и одновременно перспективных аналитических категорий современного исторического знания.

Данные о статье

Автор: Кутявин, Владимир Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева, Самара, Россия, vladimir.kutiavin@gmail.com

Заголовок: О «новой» привилегированности университетского курса «История южных и западных славян»

Резюме: В статье анализируются положение и значение курса «История южных и западных славян» в системе исторического образования в современных российских университетах, характеризуются изменения, которые претерпевал этот курс, обычно сохраняя неизменным свое «номенклатурное» название. Инициаторами новаций чаще всего становились ленинградские / петербургские историки-слависты, последовательно утверждавшие в преподавании курса регионально-типологический принцип построения, то есть считая предметом курса историю не только славянских, но и неславянских народов региона. При всех содержательных трансформациях курса его значение — «новая» привилегированность — определяется уже самим положением славянства и соседних народов — между Западом и Востоком. Изучение этого «промежуточного» пространства, где скрещивались самые разнообразные цивилизационные влияния, а любые процессы отличались особенной сложностью, способствует формированию целостного образа европейской и даже мировой истории. К тому же народы, «зажатые» между Западом и Востоком, обладают особым типом исторического сознания, а национальные историографии этих народов представляют собой превосходный материал для изучения исторической памяти (особенно травмированной) и исторической политики.

Ключевые слова: современные российские университеты, курс «История южных и западных славян»

Литература, использованная в статье

Аржакова, Лариса Михайловна. Кафедра истории славянских и балканских стран // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004: Очерки истории. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. С. 262–277.

Волков, Владимир Константинович. Российская историческая славистика на пороге XXI века: Смена исследовательской парадигмы // Славяноведение. 1996. № 6. С. 45–57.

Волков, Владимир Константинович. Место славяноведения в системе гуманитарных знаний // Славяноведение. 2003. № 5. С. 3–15.

Кутявин, Владимир Владимирович. VI Всесоюзная научная конференция историков-славистов // Советское славяноведение. 1974. № 3. С. 129–135.

Кутявин, Владимир Владимирович. [Рец.] История южных и западных славян. Т. 1: Средние века и Новое время; Т. 2: Новейшее время // Вопросы истории. 2000. № 8. С. 164–167.

Кутявин, Владимир Владимирович. Курс истории южных и западных славян: Между Западом и Востоком // Историческое образование в высшей школе: Формирование специалиста и гражданина:

¹⁴ Хейзинга Й. Об исторических жизненных идеалах // Хейзинга Й. Об исторических жизненных идеалах и другие лекции. London: Overseas Publikations Interchang Ltd, 1992. С. 122.

Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 9–10 декабря 2010 г. Казань: Казанский университет, 2010. С. 168–170.

Лежуров, Эдуард Иванович; Стецкевич, Станислав Михайлович; Якубский, Владимир Александрович. Основные принципы построения курса истории социалистических славянских и балканских стран // Вестник ЛГУ. 1974. Вып. 3. № 14. С. 147–150.

Стецкевич, Станислав Михайлович; Якубский, Владимир Александрович. К вопросу о преподавании истории славян в высшей школе // Советское славяноведение. 1969. № 6. С. 49–53.

Стецкевич, Станислав Михайлович; Якубский, Владимир Александрович. О методологии советских исследований по истории славянских народов // Методологические проблемы истории славистики. Москва: Наука, 1978. С. 207–231.

Хейзинга, Йохан. Об исторических жизненных идеалах // Хейзинга, Йохан. Об исторических жизненных идеалах и другие лекции. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. С. 91–117.

Якубский, Владимир Александрович. К десятилетию кафедры истории славянских и балканских стран исторического факультета СПбГУ // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2011. № 2 (10). С. 201–206.

Ястребов, Николай Владимирович. [Вступительная статья] // Кутшеба, Станислав. Очерк истории общественно-государственного строя Польши. Санкт-Петербург: Издание А. С. Суворина, 1907. С. III–XVIII.

Information about the article

Author: Kutuyavin, Vladimir — Ph. D. in History, Associated Professor, Samara National Research University named after academician S. P. Korolev, Samara, Russia, vladimir.kutiavin@gmail.com

Title: On the «new» privileged status of the university course «The history of the South and West Slavs»

Summary: The article contains the analysis of a status and significance of the course «The history of the South and West Slavs» in the system of historical education in contemporary Russian universities. The author characterized the transformations of this course whose «nomenclative» title remained nonetheless unchanged. The initiative of innovations most often came from Leningrad (St. Petersburg) historians who specialized in Slavic studies; they consistently affirmed regional and typological structure of the course teaching, and consisted that the course would be concentrated not only upon the nations of Slavic origins, but also on the non-Slavic population of the region. Despite all the transformations of the contents of the course, its significance and the «new» privileged status is determined by the position of the Slavs and the neighboring nations — between the West and the East. The study of this «intermediate» territory, where the various civilizational influences were intercrossed and every process was marked with the special complexity, is very useful for the formation of complex vision of the European and even world history. Besides, the nations which are «clamped» between the West and the East share the unique type of the historical conscience, and the national historiographic traditions of these nations could provide an excellent base for the memory studies (primarily, the studies of traumatic memory) and the studies of historical politics.

Keywords: contemporary Russian universities, course of «The history of the South and West Slavs»

References

Arzhakova, Larisa Mikhaylovna. Kafedra istorii slavyanskih i balkanskih stran [Department of History of Slavic and Balkan Countries], in *Istoricheskiy fakul'tet Sankt-Peterburgskogo universiteta. 1934–2004: Ocherki istorii* [Historical Faculty of St. Petersburg University. 1934–2004: Essays of History]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2004. P. 262–277 (in Russian).

Hejzinga, Johan. Ob istoricheskikh zhiznennykh idealah, in Hejzinga, Johan. *Ob istoricheskikh zhiznennykh idealah i drugie lekcii* [About the historical life ideals and other lectures]. London: Overseas Publications Interchange Ltd. Publ., 1992. P. 91–117 (in Russian).

Kutik, Vitaliy Naumovich. VI Vsesoyuznaya nauchnaya konferenciya istorikov-slavistov [The 6th All-Union conference of historians-Slavists], in *Sovetskoe slavyanovedenie* [Soviet Slavic Studies]. 1974. № 3. P. 129–135 (in Russian).

Kutyavin, Vladimir Vladimirovich. [Rec.] Istoriya yuzhnykh i zapadnykh slavyan. T. 1: Srednie veka i Novoe vremya; T. 2: Noveyshee vremya [Review: History of Southern and Western Slavs. Vol. 1: Middle Ages and Modern History; Vol. 2: Contemporary History], in *Voprosy istorii* [Questions of History]. 2000. № 8. P. 164–167 (in Russian).

Kutyavin, Vladimir Vladimirovich. Kurs istorii yuzhnyh i zapadnyh slavyan: Mezhdru Zapadom i Vostokom [The course of History of Southern and Western Slavs: Between East and West], in *Istoricheskoe obrazovanie v vysshey shkole: Formirovanie specialista i grazhdanina: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferencii. Kazan', 9–10 dekabrya 2010 goda* [Historical education in high school: Formation of a specialist and a citizen: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Kazan', December 9–10, 2010]. Kazan': Kazan' University Press, 2010. P. 168–170 (in Russian).

Legurov, Eduard Ivanovich; Steckeovich, Stanislav Mikhaylovich; Yakubskiy, Vladimir Aleksandrovich. Osnovnye principy postroeniya kursa istorii socialisticheskikh slavyanskikh i balkanskikh stran [The basic principles of building the course of history of the socialist Slavic and Balkan countries], in *Vestnik LGU*. 1974. Issue 3. № 14. P. 147–150 (in Russian).

Steckeovich, Stanislav Mihaylovich; Yakubskiy, Vladimir Aleksandrovich. K voprosu o prepodavanii istorii slavyan v vysshey shkole [To the question of teaching the history of the Slavs in high school], in *Sovetskoe slavyanovedenie* [Soviet Slavic Studies]. 1969. № 6. P. 49–53 (in Russian).

Steckeovich, Stanislav Mihaylovich; Yakubskiy, Vladimir Aleksandrovich. O metodologii sovetskikh issledovaniy po istorii slavyanskikh narodov [About the methodology of the Soviet studies on the history of the Slavic peoples], in *Metodologicheskie problemy istorii slavistiki* [Methodological problems of the history of Slavic studies]. Moscow: Nauka Publ., 1978. P. 207–231 (in Russian).

Volkov, Vladimir Konstantinovich. Mesto slavyanovedeniya v sisteme gumanitarnykh znaniy [Place of Slavic studies in the system of humanitarian knowledge], in *Slavyanovedenie* [Slavic Studies]. 2003. № 5. P. 3–15 (in Russian).

Volkov, Vladimir Konstantinovich. Rossiyskaya istoricheskaya slavistika na poroge XXI veka: Smena issledovatel'skoy paradigmy [Russian historical studies on the threshold of 21st century: The changing research paradigm], in *Slavyanovedenie* [Slavic Studies]. 1996. № 6. P. 45–57 (in Russian).

Yakubskiy, Vladimir Aleksandrovich. K desyatiletiyu kafedry istorii slavyanskikh i balkanskikh stran istoricheskogo fakul'teta SPbGU [The 10th anniversary of the Department of History of Slavic and Balkan Countries of the Historical Faculty of SPbU], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 2011. № 2 (10). P. 201–206 (in Russian).

Yastrebov, Nikolay Vladimirovich. [Vstupitel'naya stat'ya], in Kutsheba, Stanislav. *Ocherk istorii obshhestvenno-gosudarstvennogo stroya Pol'shi* [Essay on the history of the social and political system in Poland]. St. Petersburg: A. S. Suvorin's Publ., 1907. P. III–XVIII (in Russian).